

Иероглиф роста

Нетривиальная трактовка причин бурного экономического развития Китая после 1978 года дается в новой книге Владимира Попова "Три капельки воды"

Виталий Мельянцев (Заведующий кафедрой международных экономических отношений Института стран Азии и Африки (ИСАА) при МГУ, профессор, доктор экономических наук)

Надеюсь, читатель с большим удовольствием и пользой для себя прочтет эту изящную и умную книгу, в которой представлен нетривиальный опыт осмысления бурного роста КНР в последние двадцать с небольшим лет. Ее автор - известный экономист-транзитолог, широко публикующийся в России и за рубежом. Владимир Попов не китаист по образованию, но глубоко изучал стратегию и тактику китайского реформирования, не раз бывал в Китае.

Автор достаточно четко определяет свое понимание ключевых факторов китайского роста. Среди них благоприятные стартовые условия (отсутствие чрезмерных деформаций в структуре экономики, непомерных военных и социальных расходов, помощь и инвестиции хуацяо - зарубежных китайцев; демонстрационный эффект стратегий роста Японии и новых индустриальных стран), рационально-взвешенная макроэкономическая политика (с минимумом дефицитов и реалистичным, сравнительно невысоким валютным курсом; сочетание внешнеориентированного и импортзамещающего режимов роста с развитием колоссального по масштабам внутреннего рынка), сохранение стабильных и сильных государственных институтов. Во многих странах с переходной экономикой социально-политическая революция с неизбежностью ослабляет институты власти и управления, в КНР же все происходит без излишней дестабилизации хозяйственной жизни. Реформа в Китае - не самоцель, а инструмент роста.

Однако не со всеми оценками и выводами автора можно согласиться. В "Трех каплях воды", как и во многих других своих работах, Владимир Попов, характеризуя "головокружительный успех" Китая, оперирует в основном официальными данными роста, которые у многих исследователей вызывают сомнения. В книге отмечается, что в КНР среднегодовые темпы экономического роста в 1949-1978 годах составляли примерно 5% (в 1950-1973 годах даже 5,8%); с 1978 года они повысились до 10%, и только в последние три года снизились до 7-8%. С учетом динамики численности населения страны это означает, что за вторую половину XX столетия подушевой доход в КНР должен был вырасти почти в десять раз, причем в

пореформенный период с 1978-го по 2000 год - примерно в 4,4-4,5 раза.

Между тем есть способы косвенной оценки темпов роста КНР. Например, по сопоставлению с Индией. В 80-90-х эта страна тоже ускорила свое развитие, и за последние 22 года подушевой доход там вырос вдвое. По расчетам Всемирного банка, в 2000 году ВВП в расчете на душу населения в КНР равнялся 3940 долларам (в расчете по ППС валют), в Индии - 2390 долларам. Если ретрополировать приведенные данные, то можно обнаружить, что подушевой ВВП, рассчитанный по ППС 2000 года, в 1978 году в Индии был более 1200 долларов, что на треть выше, чем в КНР (менее 900 долларов) **1**. Столь серьезное превосходство Индии над Китаем по критерию подушевого ВВП на конец 70-х - начало 80-х годов крайне маловероятно. Хотя бы потому, что в Индии более низкие показатели подушевого потребления продуктов питания, энергии, индикаторы грамотности, продолжительности жизни, младенческой смертности и др. **2** А подсчеты подушевого ВВП по ППС и темпов экономического роста в Индии, как известно, надежнее, чем во многих развивающихся странах.

Ряд исследователей полагает, что официальные темпы роста ВВП КНР за 1978-2000 годы завышены примерно на 2-3 процентных пункта в год и составляют в среднем за этот период не более 7-7,2% в год **3**. Но представляется, что и эти скорректированные данные о динамике китайского ВВП все же завышены. Это связано с недоучетом реального роста цен и соответствующим занижением дефляторов; недооценкой фактора "вымывания" натурального сектора народного хозяйства; завышением динамики промышленного производства, оцениваемой по показателю валовой продукции, а не добавленной стоимости; существованием практики приписок в государственном секторе и увеличением объемов нереализованной продукции **4**.

Автор не раз подчеркивает, что основой, мотором экономического роста КНР в последние 20-25 лет был экспорт. При этом г-н Попов полагает, что экспортная квота в Китае поднялась с 5% в 1978 году до 20% в 2000-2001 годах. На наш взгляд, эти оценки сильно завышены. В 80-90-е годы среднегодовые темпы прироста физического объема экспорта КНР достигали, по оценкам, 14-16%. Однако экспортная квота (доля экспорта товаров и услуг в ВВП по ППС) выросла с 1,7-1,8% в 1978 году лишь до 4,3-4,7% в 2000-2001 годах **5**.

Следовательно, непосредственный, прямой вклад экспорта в экономический рост Китая составляет не более одной десятой прироста ВВП КНР в 1978-2000/01 годах.

Не сбрасывая со счетов прямое и катализирующее воздействие экспорториентированного развития, стоит учесть, что преобладающая роль принадлежит внутренним факторам развития и сравнительно быстрой либерализации огромного внутреннего рынка. Ряд расчетов и оценок позволяет говорить о том, что перелив рабочей силы из аграрного сектора в

несельскохозяйственный мог обеспечить от четверти до трети прироста ВВП КНР в последние 20-25 лет **6**. И все-таки самый весомый вклад в прирост ВВП - до 50% - приходится на наращивание основного капитала (примерно 45% из внутренних источников и 5% в виде прямых зарубежных инвестиций) **7**. Справедливо выделяя важную роль стабильных, сильных и работающих государственных институтов (во многом прорыночно ориентированных) в обеспечении одновременно и роста, и трансформации экономики, автор реалистично замечает, что нелиберальные демократии, существующие во многих слаборазвитых и переходных обществах, серьезно осложняют переход к развитой экономике и зрелому обществу. Настораживает весьма спорный, не совсем доказанный тезис, постулирующий сравнительные преимущества (полу)авторитарных режимов, способных обеспечить быстрые темпы роста. Это странно, поскольку афро-азиатские и латиноамериканские общества в большинстве своем свидетельствуют об обратном.

С присущей ему скромностью Владимир Попов относит свою книгу к разряду публицистических брошюр. Это не совсем так. В значительной мере рецензируемая книга - научная экономическая работа, автор которой расширил привычную для высокопрофессионального экономиста систему координат и важнейших факторов роста и заострил свое внимание на *unmeasurables* - многочисленных, не поддающихся непосредственному измерению аспектах развития. Да, не со всем в книге можно согласиться. Но она, я надеюсь, никого не оставит равнодушным - ни китаистов, ни некитаистов, интересующихся проблемами роста и развития в нашу турбулентную эпоху перемен.

Попов В. В. Три капельки воды: Заметки некитаиста о Китае. - М.: Дело, 2002. - 184 с.

1 Рассчитано по: World Bank. World Development Report, 2000/2001. P.294; 2002. P.232.

2 World Bank. World Development Report, 1983. P.148, 162, 192, 196.

3 A.Maddison. The World Economy: A Millennial Perspective. Paris, OECD, 2001. P.304.

4 См.: Ruoen R., Kai Ch. An Expenditure-Based Bilateral Comparison of GDP Between China and the United States// The Review of Income and Wealth, 1994, N 4. P.390-391; Naughton B. China's Emergence and Prospects as a Trading Nation// Brookings Papers on Economic Activity, 1996, N 2. P.273; Lardy N.R. China and the Asian Contagion// Foreign Affairs, 1998, vol.77, N 4. P.81, 83; Economist, 1998, N 43 (8091). P.24; Rawski T.G. What's Happening to China's GDP Statistics? September 12, 2001. Prepared for China Economic Review; China: How Cooked Are the Books? - Economist, March 14, 2002.

5 A.Maddison. Chinese Economic Performance in the Long Run. Paris, OECD, 1978. P.56,87; World Bank. World Development

Report, 2000/2001. P.294, 298; 2002. P.232.

6 В.Мельянцев. Восточноазиатская модель экономического роста: важнейшие составляющие, достоинства и изъяны. М., Изд. Центр ИСАА при МГУ, 1998. С.6.

7 Рассчитано по: В.Мельянцев. Информационная революция, глобализация и парадоксы современного экономического роста в развитых и развивающихся странах. М., Изд. Центр ИСАА при МГУ, 1998. С.47, 57.

